

Жизнь в монастыре была скудной и суровой, да и эти женщины с самого начала не отличались добропорядочностью. Постепенно монахини начали сходиться с посторонними мужчинами в обмен на «пожертвования на благовония». А женщина, о которой толковал нищий мальчуган, звалась Цзяоин; она приносила в монастырь больше всех таких «подношений». Говорили, что её ещё раньше за столбил за собой один знатный господин и для прочих «гостей» она закрыта.

Из-за нехватки времени Те Ху не успел выяснить, кем был этот знатный господин, но, судя по словам нищего, с большой вероятностью им оказывался У Цзюньшу. К тому же эта разведка принесла ему две неожиданные находки.

— Эта Цзяоин тайком отправила свою служанку покупать средство, вытравливающее плод. Я заметил, что у неё живот слегка округлился, похоже, она беременна.

Ань Чанцин поднял бровь. В прошлой жизни, когда любовницу вводили в дом, о ребёнке никто не говорил. Если это дитя от У Цзюньшу, она вполне могла бы, опираясь на сына, подняться в цене и заставить У Цзюньшу взять её в дом. Даже если бы поместье маркиза Чжунъюна, заботясь о репутации и помолвке, не позволило наложнице родить первенца раньше срока и велело бы избавиться от плода, оно наверняка компенсировало бы ей это.

Но зачем же тогда этой любовнице покупать вытравляющее снадобье таким тайным образом?

Ань Чанцин чутьём понял, что здесь что-то не так, но сообразить, в чём именно дело, не мог и потому спросил:

— Что ещё ты выяснил?

— Я разыскал ту безумную матушку Цянь.

Матушку Цянь он обнаружил случайно, когда следил за монастырём: она ошивалась в деревне неподалёку. Женщина была совершенно безумной, бормотала без умолку и всё толковала о какой-то лисе-оборотне, что должна заплатить за жизнь, и прочую подобную чушь. Те Ху услышал о ней от деревенских, навёл справки — и вот что выяснил.

— Раньше эта матушка Цянь не была безумной. Муж её носил фамилию Цянь, умер рано, остался у неё единственный сын по имени Цянь Юань. Цянь Юань был низкорослый, собой неказистый, зато умел ладить с лошадьми и благодаря этому служил конюхом в поместье маркиза Чжунъюна. Спустя несколько лет Цянь Юань накопил денег и женился на девушке из соседней деревни — на Цзяоин. В отличие от него, Цзяоин была писаная красавица. После свадьбы она сидела дома и ухаживала за свекровью. Изредка приносила Цянь Юаню еду в поместье маркиза. Так они и жили спокойно, пока однажды Цянь Юань не воротился домой в ярости и не избил Цзяоин. В деревне зашептались, что она завела на стороне мужчину. Но не успели соседи досмотреть эту потеху, как в один из дней Цянь Юань, возвращаясь домой, свалился в придорожный пруд и утонул. После его смерти матушка Цянь и лишилась рассудка. Она целыми днями ругалась и била Цзяоин, кричала, что та лиса-оборотень, окрутила чужого мужика и довела её сына до могилы. Цзяоин тоже была не из робких: они то и дело сцеплялись языками, доходило и до драки. А вскоре прошёл слух, что Цзяоин сбежала. Матушку Цянь же с тех пор ещё сильнее обуяло безумие: она дни напролёт слонялась по округе и всякому встречному кричала, что лиса-оборотень погубила её сына.

— Опять поместье маркиза Чжунъюна... — задумчиво проговорил Ань Чанцин. — Выходит, тот господин, скорее всего, У Цзюньшу. Неужели он позарился на красоту Цзяоин, убил Цянь Юаня и спрятал её в монастыре?

Те Ху замялся:

— Вроде бы так. Но я расспрашивал деревенских, и один человек сказал, что видел, как Цзяоин садилась в повозку, обнимаясь с каким-то мужчиной. Тому было лет тридцать-сорок, с У Цзюньшу не очень сходится...

— ...

От такого можно было лишиться дара речи. Ань Чанцин помолчал и сказал:

— Может, у Цзяоин не один «гость»? Что, если ребёнок не от У Цзюньшу? Потому она и покупает вытравливающее снадобье украдкой?

Те Ху думал примерно так же. Бедняга — суровый вояка, привыкший к сече, — когда ему впервые пришлось узнать такие пикантные тёмные тайны, совсем опешил.

Ань Чанцин, помолчав, сказал:

— Продолжай следить за монастырём. И ещё: можно ли подменить снадобье, которое она собирается принимать?

Те Ху поколебался:

— Можно попробовать.

— Тогда действуй, — велел Ань Чанцин. — Заменяй его на снадобье для сохранения беременности. И ещё... передай эту весть У Цзюньшу.

Те Ху удивлённо глянул на него, подумав: «Ну и беспощаден же этот ванфэй». Если дитя в животе у Цзяоин окажется не от У Цзюньшу — вот будет спектакль.

Те Ху ушёл исполнять приказ, а Ань Чанцин позвал Чжоу Хэланя, и они вместе направились в пыточную допрашивать управляющего и приказчика.

Все эти два дня, после того как людей привезли в поместье князя, Ань Чанцин не применял пыток, а лишь держал их в разных помещениях. Как бы они ни молили о пощаде и ни сознавались в винах, он не принимал их. Вот уже наступил третий день. Пора было и допросить.

Чжао Ши повёл их в пыточную. В поместье князя такая имелась. Снаружи про поместье Бэйчжань-вана ходила молва как о преисподней, но на деле пыточную с момента постройки использовали всего несколько раз. Зато обставлена она была основательно: на стенах висели всевозможные орудия пыток, заготовленные по образцу тех, что полагались в войсках для допросов лазутчиков.

Управляющий и приказчик все эти дни смотрели на стены, увешанные орудиями, и страхом довели себя до жёлтых лиц и язвочек на губах.

Чжао Ши принёс стул, усадил Ань Чанцина и первым ввёл приказчика. Тот, видно, был перепуган до полусмерти: едва завидев Ань Чанцина, повалился на колени, несколько раз стукнулся оземь лбом и, обливаясь слезами и соплями, взмолился о пощаде.

Чжоу Хэлань вёл допрос, и уже через несколько вопросов положение дел в мастерской «Тяньи» прояснилось. Оказалось, управляющий давно в сговоре с лавкой готового платья Чжаней.

Раньше «Тяньи» в Ецзине имела отличную славу и была нарасхват. Чтобы перетянуть покупателей, Чжани сперва за большие деньги увели у «Тяньи» портных, а затем подкупили управляющего, чтобы тот заламывал цены. Так многие покупатели ушли в более дешёвую лавку Чжаней. Поначалу управляющий ещё осторожничал, а потом, когда серебро от Чжаней потекло гуще, осмелел. Он не только завышал цены и прогонял покупателей, но и сговорился с Чжаниями: продавал им ткани и готовое платье «Тяньи» по цене чуть выше себестоимости, а те перепродавали ещё дороже, кладя разницу себе в карман. Управляющий же в отчётах писал, что дела плохи, одежда и ткани не идут, и потому приходится снижать цены.

Ань Чанцин от злости едва не рассмеялся, лицо его окаменело.

— С каких пор?

Приказчик, запинаясь, ответил, что уже года два-три.

Лицо Ань Чанцина несколько раз менялось, потом сделалось спокойным. Допрос приказчика закончили, Чжоу Хэлань заставил его поставить подпись и отпечаток пальца. Затем ввели управляющего.

Едва увидев бумагу с отпечатком, управляющий переменялся в лице. Все заранее придуманные отговорки стали бесполезны, пришлось честно во всём признаваться. Он выложил всё: и сделки с Чжаниями, и счета, каждую статью расходов и доходов. После допроса Ань Чанцин расспросил его и о других лавках. Управляющие этих лавок тоже общались между собой, делились новостями. Бледный как полотно, управляющий записал на бумаге всё, что знал. Стояла глубокая зима, а когда он отложил кисть, даже на бровях у него выступил пот. Он уже хотел перевести дух, как услышал слова Ань Чанцина:

— Допрос окончен — отдайте его властям.

Лицо управляющего вмиг стало серым: он понял, что пропал окончательно.

Ань Чанцин перелистывал счета, записанные со слов управляющего. Каждая строка — убытки «Тяньи», и все эти деньги уплыли в карманы Чжаней. Он вспомнил Белого пирожка, который отделался рассечённой головой, но спасся, и холодно усмехнулся. Похлопав счетами по столу, он сказал Чжоу Хэланю:

— Возьми с собой Те Ху, поедem требовать серебро у Чжаней.

Нельзя же просто так выбросить такие деньжищи.

Чжоу Хэлань, заметив на его лице гнев, немного подумал и предложил:

— Пусть с вами поедет князь. Это и быстрее, и хлопот меньше. А глядишь, удастся вытребовать ещё и сверху — в счёт процентов.

Ань Чанцин тут же согласился, с одобрением взглянул на него и немедленно отправился с бумагами к Сяо Чжигэ.

Учения в загородном лагере уже закончились, поэтому последние дни Сяо Чжигэ не нужно было никуда выезжать, и он сидел в поместье. Увидев, что Ань Чанцин явился с пачкой бумаг, он сразу понял:

— Допрос закончен?

— Да. Людей уже отдали властям. Но сумма тут немалая, я собираюсь потребовать её с Чжаней. — Ань Чанцин посмотрел на него горящим взглядом. — Князь поедет со мной?

Сяо Чжигэ, встретив этот полный надежды взгляд, согласился, почти не раздумывая.

Ань Чанцин сияя зашагал к выходу:

— Я велю подать экипаж.

И вот в тот же день после полудня жители Ецзина увидели, как распахнулись ворота поместья Бэйчжань-вана и оттуда медленно выехала нарядная повозка. На её борту был крупно выведен иероглиф «Сяо» — не заметить его было невозможно.

Повозка остановилась только у лавки готового платья Чжаней. Хозяин лавки, не понимая, что происходит, с тревогой вышел встречать.

<http://bllate.org/book/18381/1767632>